

Хань Хэн твердо вознамерился поймать паршивца Хань Фэна и прямо спросить, что всё это значит. Не то чтобы он совсем не понимал намёков, просто терпеть не мог чужие интриги и недомолвки.

После представления он планировал взять Хань Фэна и обеих танцовщиц на праздничное гулянье в саду — в будущем этой троице предстояло стать главными звёздами Башни Слушания Лебедей.

Но кто же знал, что Хань Фэн устроит такую глупость и едва не выльет на него ушат грязи.

Хань Хэн развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Когда доносившаяся снаружи музыка перешла к последней коде, дверь скрипнула. Он приоткрыл глаза.

Однако вошёл вовсе не Хань Фэн.

Чжуан Лин заметил, как Хань Хэн ушёл со своего места в бамбуковой беседке распорядителя, и, устав ждать его возвращения, отправился на поиски.

— Чего ты тут забился? — Чжуан Лин вошёл размашистым шагом. — Третий принц желает видеть тебя.

— У меня дела, подойду позже, — бросил Хань Хэн.

Стоило Чжуан Лину подойти ближе, как Хань Хэн внутренне подобрался. На миг вернулся тот застарелый, из первых дней после его перерождения, страх: казалось, этот опасный человек вот-вот вцепится ему в горло. Должно быть, из-за долгой разлуки между ними снова возникла холодная стена отчуждения.

— А я и сам не хочу, чтобы ты спешил, — отозвался Чжуан Лин.

Хань Хэн прищурился:

— Тогда зачем явился?

Чжуан Лин медленно облизал губы. Нависнув над Хань Хэном, он опёрся рукой о туалетный столик за его спиной, перекинул ногу через его бедра и сквозь плотную ткань одежд собственнически, дразняще прижался к его коленям.

Поймав его потемневший, полный неприкрытого вожделения взгляд, Хань Хэн почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он упёрся ладонями в грудь Чжуан Лина, пытаясь отпихнуть его.

— Ты пропадал полмесяца, — прошипел Хань Хэн, — и едва объявился, сразу кобениться начал? Когти распускаешь?

Чжуан Лин молча перехватил его за подбородок и заставил запрокинуть голову.

Поддавшись этому движению, Хань Хэн усыпил бдительность нападающего, а в следующий миг резко подался вперёд и вцепился зубами в палец Чжуан Лина. Он сжал челюсти со всей силы, до хруста, и ослабил натиск лишь тогда, когда на языке солоновато выступила кровь.

Но тот даже не поморщился. Стоило Хань Хэну немного разжать зубы, как Чжуан Лин повернул кисть и скользнул пальцем глубже, бесцеремонно раздвигая челюсти и прижимая к нёбу его влажный, податливый язык.

У Хань Хэна в один миг подкосились колени, а по телу разлилась вязкая слабость.

Воспользовавшись его секундным замешательством, Чжуан Лин протолкнул следом средний палец, настойчиво и глубоко лаская его рот.

В его глазах, окаймлённых ледяной синевой, вспыхнуло безумное пламя. Свободной левой рукой он крепко обхватил шею Хань Хэна.

Хань Хэн мёртвой хваткой вцепился пальцами в подлокотники кресла. Разум истошно вопил, требуя врезать этому наглецу коленом между ног, но тело словно парализовало сладким ядом. Самым нелепым и пугающим было то, что пониже спины внезапно разлился обжигающий жар, переходящий во вполне ощутимую влагу.

«Что за чертовщина?!» — Хань Хэн попытался поерзать, устраиваясь поудобнее. Его скудных познаний об анатомии, вынесенных из прошлой жизни, явно не хватало, чтобы объяснить происходящее, но внутренний голос орал: тут явно творится какой-то лютый пиздец.

Он поёрзал на сиденье. Ощущение сырости в штанах нарастало, действуя отрезвляюще, будто ушат ледяной воды на голову. Внутренний предохранитель наконец сработал: Хань Хэн резко рванулся вперёд и со всей силы толкнул юного принца Чжуана в грудь, заставив того пошатнуться.

На языке всё ещё горела шершавая от мозолей кожа пальцев Чжуан Лина. Тяжело дыша, Хань Хэн зло сплюнул, утёр рот рукавом и уставился на наглеца багровым от гнева и смущения лицом:

— Да ты совсем охренел, ублюдок...

В голове всплыли слова Хань Фэна о том, что принцу вечно мало девок в постели. От этой мысли в груди Хань Хэна вскипела глухая злость. Не раздумывая, он рванулся вперёд,

вцепился в расшитый воротник Чжуан Лина и одним резким движением повалил его, прижав к спинке кресла.

Чжуан Лин перехватил его запястье. Он помрачнел ещё сильнее, а влажные пальцы медленно скользнули по тыльной стороне ладони Хань Хэна.

«Мать твою, это же его собственная слюна».

От этого зрелища Хань Хэну стало чертовски не по себе.

— Твоя постельная подстилка едва не устроила катастрофу, — процедил он сквозь зубы. — Я жду этого паршивца здесь. Сначала я разберусь с ним, а потом уже примусь за тебя.

— Постельная?.. — Чжуан Лин посуровел и прищурился. — И что же он тебе наплел?

Хань Хэн насмешливо фыркнул:

— Да так, сущие пустяки. Пел дифирамбы твоему мужскому достоинству. Рассказывал, какой наш юный принц неутомимый жеребец в постели. Надо же, а я и не знал, что ты у нас такой гигант.

— Если тебе так любопытно, я готов доказать это на деле в любую секунду, — произнёс Чжуан Лин, хотя сами эти слова прозвучали для него на удивление чуждо.

Горячая волна возбуждения ударила ему в пах. В голове набатом билась паническая мысль: «Это же мужик! Чёрт побери, ты встал на мужика?!»

Заметив, как принц бледнеет, Хань Хэн уловил чутким слухом шаги за дверью. Он неохотно разжал пальцы и даже наклонился, чтобы демонстративно расправить помятый воротник Чжуан Лина.

— Представление окончено, — тихо произнёс он.

— Этот паршивец прекрасно понимает, что натворил. Наверняка уже дал дёру, — Чжуан Лин потянулся к нему и большим пальцем небрежно стёр каплю слюны, оставшуюся в уголке губ Хань Хэна.

А в следующий миг Хань Хэн опешил, глядя, как принц преспокойно облизывает этот самый палец.

«...»

Если быть до конца честным перед самим собой — вернее, перед Пэй Цзя, кем он был в прошлой жизни, — ему ещё никогда не попадался настолько бесстыдный и искушённый соблазнитель. От такого напора кружилась голова, тем более что отрицать очевидное глупо: безупречное лицо и порочное тело Чжуан Лина манили его с неодолимой силой.

Хань Хэн позволил увести себя, так и не собрав растерянные мысли в кучу. На улице слуги уже вовсю разгоняли зевак и убирали бамбуковые ограждения.

От Чжуан Лина веяло такой леденящей угрозой, что случайные прохожие лишь робко косились на них и тут же спешили убраться с дороги.

Хань Хэн брёл погружённый в свои думы и пару раз едва не налетел на прохожих. Чжуан Лин каждый раз собственнически придерживал его за локоть, а затем и вовсе закрыл плечом от людского потока.

Зрительские трибуны вели напрямик к лавке храмовой утвари, приспособленной под запасной выход. Все товары с прилавков были заранее убраны на склад.

Чжуан Лин мягко, но настойчиво увлёк Хань Хэна в крытую повозку.

Хань Хэн выглянул наружу — впереди вереницей тянулись роскошные экипажи знати. Вдруг тёплая широкая ладонь легла ему на загривок. Чжуан Лин принялся неторопливо массировать шею Хань Хэна, словно лаская дикого кота.

Усталость за день навалилась свинцовой тяжестью. Хань Хэн прикрыл глаза, уткнувшись лицом в расшитую шелком подушку.

Вот только наглые пальцы Чжуан Лина и не думали останавливаться. Они скользнули ниже, поглаживая ключицы и забираясь под ворот одежды.

— Слышь, полегче, — Хань Хэн раздражённо хлопнул его по ладони и выпрямился.

Чжуан Лин лишь молча вперил в него свой тяжёлый, пронзительный взгляд.

Этого молчания Хань Хэн не любил больше всего. Под этим гипнотическим взором он начинал тушеваться, чувствуя себя глупым и незащищённым, а вся былая уверенность мигом улетучивалась.

— Хэн-эр...

— Чего тебе? — Хань Хэн нервно передёрнул плечами. — И вообще, где тебя черти носили столько времени?

С этими словами он бесцеремонно закинул ноги на колени Чжуан Лина, оставив два пыльных следа на его великолепном синем одеянии с вышитыми драконами.

— Во дворце назревают великие перемены, — нехотя обронил Чжуан Лин. — Скоро, ещё до Праздника середины осени, мне придётся выступить в поход во главе войска.

«Так вот почему он дневал и ночевал во дворце в последнее время», — сообразил Хань Хэн.

Он отвёл взгляд и спросил:

— Этот император Мин из Великой Лян... далеко продвинулся?

— Ты знаешь об императоре Мине? — Чжуан Лин заметно напрягся.

— А как тут не знать? О нём только и судачат, — хмыкнул Хань Хэн. — Вот ведь неймётся человеку. Ну сидел бы смирно, радовался жизни! Правду говорят: лучше быть собакой в мирное время, чем человеком в эпоху смуты. А этот Мин возомнил себя вершителем судеб, только и думает, как бы развязать бойню.

Чжуан Лин на мгновение крайне озадачился.

— Он невероятно силён и прикрывается волей Небес. Великая Лян сейчас на пике своего могущества, а у её правителя в руках небесный мандат. Южная Чу уже склонила голову. Их верховный жрец даже составил покаянную грамоту, где признал власть Лян и перечислил грехи собственного государя.

— Ничего себе, — изумился Хань Хэн. — И кто же в этой Южной Чу главнее — жрец или император?

— Их власть примерно равна. Но народ благоговеет перед жрецами куда больше, чем перед светским владыкой. Тридцать два года назад на Южную Чу обрушилась великая засуха, какой не помнили целое столетие. Прежний верховный жрец молился о дожде до полного истощения и едва не умер от голода. Когда же ливень наконец пошёл, восхищённый народ готов был возвести его на престол. Но ровно за день до коронации жрец бесследно исчез. Только так королевской семье удалось удержать трон.

— Исчез? Какое поразительное совпадение... — протянул Хань Хэн.

— Разумеется, случайностью тут и не пахло. Правящий дом тогда не собирался делиться реальной властью.

«Значит, бедолагу-жреца убрали по приказу правителя. Сгноили в какой-нибудь темнице или

сразу перерезали горло», — мысленно заключил Хань Хэн.

Пока он размышлял, Чжуан Лин осторожно сжал его холодные пальцы в своей широкой тёплой ладони. Хань Хэн впервые видел его в парадном княжеском облачении с золотым шитьём. В этом наряде юный принц выглядел невероятно статно, а в его гордой осанке и хищном разлёте бровей сквозила решимость воина, готового ринуться в бой.

От этой скрытой силы, готовой вот-вот вырваться наружу, у Хань Хэна сладко заныло под ложечкой. Ему вдруг безумно захотелось встать с этим человеком плечом к плечу, сыграть в эту опасную игру на равных.

— Хэн-эр.

Когда принц произносил его имя с такой вкрадчивой нежностью, у Хань Хэна невольно теплело в груди. Звучало непривычно, даже немного слащаво, но в этом голосе сквозила искренняя забота — чувство, которого он был лишён в обеих своих жизнях. В омуте этих синих глаз хотелось утонуть. Чжуан Лин был безжалостен к врагам, но его ласка таила в себе куда более изощрённую угрозу.

— Я уже говорил тебе: неважно, что ты ничего не помнишь о своём прошлом.

— Да если бы и хотел, не вспомнил бы, — буркнул Хань Хэн.

Да и толку ворошить былое? Пэй Цзя остался в ином мире, а здесь он — Хань Хэн. И пускай это лицо не блистало красотой, делиться своей новой оболочкой он ни с кем не собирался.

— За всё то время, что мы вместе... неужели ты так и не понял моего отношения к тебе? — негромко спросил Чжуан Лин.

Его вкрадчивый, бархатистый голос заставил сердце Хань Хэна забиться в бешеном ритме.

— Ну... — Хань Хэн замялся, его пальцы машинально поглаживали сквозь шёлк упругие мышцы на груди принца. — Допустим, относишься ты ко мне сносно. Вот только как понимать твои метания? Одной рукой ты обнимаешь меня, а другой затаскиваешь в постель всяких проходимцев?

От собственной ревности ему стало тошно, но мысль о том, что к этому роскошному телу прикасался кто-то другой, вызывала у него глухое отвращение. Хань Хэн терпеть не мог делить своё с кем бы то ни было — если вещь запятнана чужой грязью, ему она даром не нужна.

— Да с чего ты взял, что у меня кто-то был? — Чжуан Лин опешил, а затем на его лице промелькнуло понимание. — Ты что, действительно поверил этому вздору?

— А кого мне ещё слушать? Тебя не было целых две недели! Мне верить ветру в поле или пустой болтовне? — вскинулся Хань Хэн, упрямо набычившись.

Чжуан Лин хищно прищурился. Он прижал два пальца к губам Хань Хэна, грубо и требовательно сминая их, пока они не порозовели и не припухли. Склонившись к самому его уху, он прошептал горячим, хриплым шепотом:

— Эти пальцы никогда не касались чужих губ. И уж тем более они не ласкали никого... там, внизу.

Хань Хэн почувствовал, как сквозь одежду пониже поясницы упёрлось что-то твёрдое и горячее. Он подскочил как ошпаренный, заливаясь краской от корней волос до шеи.

А Чжуан Лин, не обращая внимания на его панику, вкрадчиво добавил:

— Во всём поднебесном мире есть лишь один человек, способный пробудить во мне зверя.

И принц выразительно скользнул взглядом вниз.

Хань Хэн машинально проследил за его взглядом.

Твою же мать!.. Впечатляющие очертания этого «зверя» заставили Хань Хэна вспыхнуть с новой силой. Он прикинул масштабы бедствия и мысленно поклялся, что ни за что на свете не станет мериться с этим чудовищем силами — позор будет сокрушительным.

«Да о чём я вообще думаю?!» — мысленно отругал он себя.

К счастью, снаружи раздался спасительный голос кучера:

— Ваше высочество, мы прибыли к Башне Слушания Лебедей.

Одарив Чжуан Лина грозным, но абсолютно беспомощным взглядом, Хань Хэн попытался придать себе независимый вид. Однако стоило ему шагнуть на подножку, как затекшие и ослабевшие ноги предательски подкосились. Не перехвати его вовремя сильная рука принца, он растянулся бы во весь рост прямо на глазах у столпившейся у входа знати.